

ТЕАТР И СЕЛЬСКИЙ ЗРИТЕЛЬ

Бугульминский драматический театр уже почти год ездит по сельским районам республики. Это тяжело, утомительно, но надо отдать справедливость актерам, они стойко переносят все невзгоды ночевой жизни.

Бугульминский театр на сцене. Точнее будет сказать — не театр, а его бригады. Соображения финансового порядка вынуждают разделить коллектив на три почти самостоятельные группы.

Апастовский район ТАССР. Кайби. Здесь шел спектакль «Глубокие корни» — пьеса прогрессивных американских авторов Д. Гоу и А. Дюссо. Когда-то, в конце сороковых годов, она часто шла в советских театрах.

Авторы рассказывают о том, как глубоко укоренились расовые предрассудки в сознании даже либерально настроенной части буржуазной интеллигенции американского юга. Возможно, что в те времена (конец второй мировой войны) и можно было говорить о предрассудках. Но в наши дни, когда разгул расистского террора в США дошел до чудовищных пределов, когда угнетенный негрятинский народ вынужден решаться на крайние меры борьбы за свое человеческое достоинство, отношения приняты иной, неизмеримо более напряженный, антагонистический характер. Поэтому пьеса сейчас сильно потускнела, утратила политическую остроту.

Написана же она талантливо, есть яркие характеры, гуманность, крепкая сюжетная канва. Спектакль смотрится, но вызывает скорее сочувствие, сострадание, чем гнев и возмущение. Главный режиссер театра Л. Ф. Шумилин, постановщик спектакля, не ездит с бригадой, поэтому, весьма вероятно, что режиссер «умер в актере», и притом в гораздо большей степени, чем этого требовал В. И. Немирович-Данченко.

Есть настоящие актерские удачи. Сенатора Ленгдона хорошо играет Б. М. Колызов. Ему уже 68 лет, но бодрости и живизелью у него хватает с избытком.

Герой пьесы, молодой интеллигентный негр Бретт Чарльз, только что возвратился в родные края после войны. Вернувшись в чине офицера американской армии, с боевыми наградами. Но цвет его кожи не изменился. Для Ленгдона и ему подобных он остался только «чернокожим», и этим все сказано. Те-

ло и обаятельно играет Бретта Е. В. Тимофеев (заслуженный арт. ТАССР). Это очень одаренный, разносторонний артист, отличающийся удивительной мягкостью, человечностью. Может быть, такая мягкость иногда даже мешает ему. В роли Бретта хотелось бы большей твердости, мужества бора, это вполне в средствах Тимофеева. Но удивительная вещь — актер как бы стесняется своей мощной фигуры, а в отдельных эпизодах становится даже слегка сентиментальным.

Вызывая возражения трактовка роли дочери Ленгдона Джениверы. Молодая актриса А. Сердюк делает ее на протяжении всего спектакля по-детски жесточайшей, инфантильной. Образ не получает развития. А жизнь поставила перед молодой девушкой серьезные проблемы, заставляла многое по-новому переосмыслить и, наконец, сделать решительный выбор. Ведь именно она и только она, сумела выразить из своего сознания «глубокие корни» расизма.

...А на другой день, я уже совсем в другом месте, спектакль — «Чти отца своего» В. Лаврентьева. Те же актеры, постановка того же режиссера, опять колхозный зритель. «Глубокие корни» артисты смотрели внимательно, старались разобраться в сущности происходивших событий. И все-таки многое оставалось для них не совсем понятным, в главное — чуждым, далеким. В спектакле же «Чти отца своего» — другое. Тема пьесы близка здешним людям, и спектакль (истая сказать, неплохо сыгранный) смотрится с большим интересом, по-настоящему волнует.

Есть живые полнокровные образы. В первую очередь это совсем молодой актер Н. Лаптев, играющий Севку. Зрительный зал, в котором было много молодежи, по-настоящему любил этот простого даринку, честного, прищипывающего, во многом еще наивного, по-юношески озорного и в то же время в чем-то застенчивого.

Скромно, тактично, с большим чувством меры играет Р. Утева Юбуя Востолю. Авторский материал богат красками, роль часто служебная, но актера

сумели несколькими скупыми штрихами создать типический образ молодой работницы, недавней воспитанницы детского дома.

Духовно богатый мир простой советской женщины, Софьи Павловны, проявляя и глубоко раскрывает Е. Ф. Павлова. Зерно образа — материнское чувство, она вся — в своих, уже взрослых детях, живет мыслями о них, с неназойливым вниманием всматривается в малейшие оттенки их настроений, печалей и радостей. Кульминационный момент пьесы — сцена Софьи с ее приемным сыном Максимом (его просто и тепло играет Е. Тимофеев) случается с напряженным вниманием. Оба исполнителя проводят эту трудную сцену психологически точно, с хорошей сдержанностью, не снижающей, однако, большого эмоционального напряжения.

Сложнее обстоит дело с обаянием колхозными дедами. Здесь допущены некоторые компромиссы в распределении ролей. На долю У. Н. Потанина, обычно — играющего молодых героев, достался далеким Егорычем. Надо отдать справедливость артисту: он подошел и необычайной для него задаче с настоящей чувством ответственности, но, говоря откровенно, все же ощущается некая «прилежанность к борю», чувствуется, что для него эта роль — тщательно прилаженный кафтан с чужого плеча.

Гордей — Б. М. Колызов весь какой-то нежизненный. Это жирный, неопытный старик с нелепо торжашей жизнью борюродкой. Он не лишен юмора, где-то даже может подкупить отдельных блестящих лажущегося добродушью. Но через минуту его глаза становятся злыми, колкими и в них проглядывает — нет, даже не мажорность, а яростная, непомерная злоба. Он опущен материал платит звуки опытных пальцами ростовщика, оценивающего выгодный заклад, а затем, убедившись в их добротности, небрежно бросает в чехол: мое, никада, не уйдет. Он буквально пожирает глазами каждый предмет, который видит в доме, мысленно прикидывает его возможную стоимость и как будто бы с трудом останавливает руку, ткнувшуюся в нему с

тем, чтобы и его умять в свой бездонный чехол. И выпивает, и закусывает он с каким-то особым плотоядным наслаждением — ведь для него. Образ яркий, интересный, но все же вызывающий возражения. Невольно возникает вопрос: кто же он, этот всеми повелами чуждый нашему обществу человек? Колхозник, с неизжитой пеклокой мелкого собственника-стяжателя? Таким ведь и создал его автор. Но, в том-то и беда, что в Колызове — Гордее нет ясного крестьянского. Он воспринимается скорее как деклассированный субъект из «былиных», прошедший сложный путь по канин-то темным задворкам жизни. Другая бригада работала за Волгой, в Аксубаевском районе.

По актерским силам обе бригады почти равновесны. И в то же время, это как будто два разных театра. Это относится и к репертуару, и к режиссуре.

Репертуар здесь менее интересен. Первый спектакль, который я смотрел, — «Женитьба Белугина» — Островского и Соловьева. Зачем нужно было ставить эту пьесу, далеко не лучшую в наследии Островского — сказать трудно. Вероятно, вопрос решался просто: вещь вытисренная, постановочно несложная, во составу расходится.

Не знаю, «расходилась» ли она в первоначальном варианте, но сейчас, после неизбежных в таких случаях изменений, надо сказать прямо — не все исполнители на месте. Прежде всего, это относится к основному герою — Андрею Белугину. Его играет наспех введенный совсем молодой актер, выпускник Казанского театрального училища В. Кириллов. Он довольно убедительно доказал да положений: первое — что человек он способный, с хорошими данными, незаурядным обаянием, темпераментом (который он, прочем, не всегда умеет направлять в нужное русло), и второе, — что в мало-мальски серьезном профессиональном театре на такие роли он пока не имеет права. Его Андрей — пыльный симпатичный юноша, но лет в нем и наметка на будущего дельца-фабриканта. Весь он какой-то еще неоформившийся. Вряд ли такой Белугин мог, в конечном счете, усмирить

строительность Елены Каринной.

А Елена — опытная актриса Н. В. Слепная. Играет корректно, я бы сказал, традиционно. Ее Елена — особа достаточно зрелая; иной она и не может ее сделать, но, входя в конфликт со своими данными, Но именно это еще больше подчеркивает незрелость Андрея.

По-настоящему хорошо чувствуют Островского актеры старшего поколения. В. Е. Леонтьев — Белугин-отец и А. Н. Ларина-Каринна — мать. Очень сильно сказывается на спектакле отсутствие серьезной режиссерской работы. Ставил его А. Я. Ган — культурный, опытный актер, но, по-видимому, режиссура не его сфера. Спектакль грамотно разведен — и только. А эта пьеса, если уж ее ставить, требует точных социальных акцентов, и при том обязательно с наших современных позиций. Этого нет и в помине.

И, наконец, последний спектакль, который мне пришлось увидеть, — это «Любовь без прищипки», комедия В. Костантисова и В. Рацера.

Не стоит много говорить о пьесе. Все очень банально, поверхностно, ситуативно надуманно. Есть отдельные смешные положения, два-три более или менее интересных характера, обдумывающих отдельные актерские удачи. И все.

Работа Бугульминского театра на сцене дает материал для многих серьезных раздумий.

Прежде всего — вопрос: что и как показывать колхозному зрителю?

Репертуар — основа основ. В городе зритель смотрит на театральную афишу и имеет возможность выбирать для себя тот спектакль, который его почему-либо привлекает, интересуется хотя бы тематически. В деревне такой возможности у него нет. Он вынужден смотреть то, с чем приехал театр, а приезжают театры не часто.

Бугульминскому театру нужно тщательно продумать свой репертуарный план с точным учетом специфических условий работы. Путешествуя по селам вместе с бугульминцами, я все время дополнял свои личные впечатления наблюдениями за реакцией зрите-

лей. Полагаю, что не ошибусь, сказав, что ближе всего им пришелся по сердцу спектакль «Чти отца своего». И это вполне закономерно. Правда, пьеса кое в чем спорна, но она достаточно серьезно поднимает общественно значимые вопросы, а главное — рассказывает о людях наших дней. Это, конечно, не значит, что не надо помышлять классикой, скажем, того же Островского; от этого отталкиваться нельзя. Но из классического наследия нужно выбирать наиболее ценные произведения, учитывая и их познавательную ценность и, в-вторых (что тоже очень важно), ставить их следует только в том случае, если у режиссера есть интересный творческий замысел, если он твердо знает, что он хочет сказать своим спектаклем.

Раз уж мы заговорили о режиссуре, не лишним будет подчеркнуть, что именно в поездке, где спектакли легко могут «разбалтываться», нужен постоянный, внимательный режиссерский глаз. Необходимость этого ошутима и в той бригаде, где идут спектакли, поставленные главным режиссером Л. Ф. Шумилиным, и особенно во второй. Там создается впечатление, что спектакль вообще никто не ставил, что каждый актер на свой страх и риск делает то, что он может. Иногда получается удачи, иногда нет, но помощи ждать неоткуда. А в наше время театр на при таких условиях не может обходиться без режиссера, и притом режиссера, в полной мере отвечающего современным требованиям.

С такой же остротой встает вопрос и об оформлении. Каждая бригада добросовестно возит с собой целую машину декораций — громадных, неулучшаемых и невыразительных (художник В. В. Сахарников). Думается, что и в этой области нужно многое пересмотреть, поискать новые, более простые и в то же время более выразительные решения.

И еще одно. Я не впервые встретился с этим театром, очень ценю его коллектив. И это дает мне право откровенно сказать: спектакли, которые я видел, слабее, чем те, которые я в свое время смотрел в Бугульме. А надо сделать, чтобы такой разницы не ощущалось. Это вполне возможно. Творческий состав в театре крепкий и способен преодолевать любые трудности. Е. ЗОЛОТАРЕВ.

Театровед, наш внештатный корреспондент.